

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Страна вина»

«Лягушки»

«Большая грудь, широкий зад»

«Красный гаолян»

МО ЯНЬ

Сорок одна
хлопушка

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan

POW!

Copyright © 2025, Mo Yan

All rights reserved

Перевод с китайского *Игоря Егорова*

Мо Янь.

М74 Сорок одна хлопושка / Мо Янь ; [перевод с китайского И. Егорова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-206055-7

В городе, где родился и вырос Ло Сяотун, все без ума от мяса. Рассказывая старому монаху, а заодно и нам истории из своей жизни и жизни других горожан, Ло Сяотун заводит нас все глубже в дебри и тайны диковинного городка. Страус, верблюд, осел, собака — как из рога изобилия сыплются угощения из мяса самых разных животных, а истории становятся все более причудливыми, пугающими и — смешными? Повествователь, сказочник, мифотворец, сатирик, мастер аллюзий и настоящий галлюциногенный реалист... Затеяливо переплетая несколько нарративов, Мо Янь исследует самую суть и образ жизни современного Китая.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-206055-7

© Егоров И., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

О премудрый монах, любителей прихвастнуть и приврать немало, их рассказы у нас называют «хлопушками». Но то, что рассказываю вам я, — чистая правда.

ХЛОПУШКА ПЕРВАЯ

— Десять лет назад, раннее зимнее утро. Десять лет назад, раннее зимнее утро — что это было за время? Сколько лет тебе было? — спросил, открыв глаза, премудрый монах Лань. Он много бродил по белу свету, где только не побывал. Временным пристанищем ему стал небольшой заброшенный храм. Голос его доносится словно из мрака глубокой пещеры, и я невольно содрогаюсь, хотя на дворе седьмой месяц, жарко и душно.

— Это был тысяча девятьсот девяностый год, наимудрейший, мне было тогда десять лет, — отвечаю я негромким бубнящим голосом, с такой, как обычно, интонацией. Дело происходит в храме Утуна¹, что стоит между двумя оживленными городишками. Говорят, деньги на его постройку дали предки нашего деревенского старосты, почтенного Ланя. Рядом дорога с оживленным движением, но заходят сюда возжечь благовония редко, как говорится, в воротах можно ставить сети на воробьев, внутри пыль и затхлость. В проеме окружающей храм стены (он словно нарочно здесь проделан) разлеглась на животе женщина в зеленом жакете с красным цветком за ухом. Видно лишь пухлое, как фэньтуань², лицо и белая рука, на которую она опирается подбородком. В лучах солнца коль-

¹ У т у н — бог богатства, также злой дух блуда и разврата.

² Ф э н ь т у а н и — жареные шарики из клейкой рисовой муки со сладкой начинкой, обсыпанные кунжутом.

цо у нее на пальце отбрасывает режущие глаз блики. Глядя на нее, я вспоминаю большой, крытый черепицей дом у нас в деревне, который до освобождения принадлежал крупному помещику из семьи Лань, а потом в нем размещалась начальная школа. По многим преданиям и вызываемой ими игре воображения, такая женщина в третью стражу после полуночи обычно входит в этот ветхий, годами не знавший ремонта дом и выходит из него с громким воплем, от которого аж мороз по коже. Мудрейший восседает с прямой спиной и безмятежным выражением лица, как у дремлющей лошади, на ветхом круглом молитвенном коврике перед полуосыпавшимся от времени изваянием Утуна. В руках у него алые четки, его кашья¹ из разноцветных лоскутов, кажется, сшита из промокшей под дождем тонкой бумаги и может в любой момент распасться на кусочки. На ушах мудрейшего полно мух, однако на выбритой до блеска голове и лоснящемся лице нет ни одной. Во дворе растет большое дерево гинкго², из ветвей которого доносится птичий щебет, иногда перебиваемый кошачьим мяуканьем. Это пара диких котов — он и она, — дремавшие в дупле, принимаются ловить сидящих на ветках птиц. До храма доносится довольный кошачий вопль, за ним — жалобное птичье чириканье, а потом — хлопанье крыльев разлетевшейся в испуге стаи. Не то чтобы я почувал запах крови, скорее подумал о нем; и птиц, разлетевшихся кто куда, и кровь, замаравшую ветви, я не видел — лишь представил. А в этот момент кот, зажав истекающую кровью добычу в лапах, заигрывал с бесхвостой кошкой. Из-за отсутствия хвоста она на треть смотрелась как кошка, а в остальном походила на жирного кролика. Ответив мудрейшему, жду дальнейших вопросов, но не успеваю договорить, как глаза у него закрываются, и от этого даже возникает ощущение, что недавно заданный вопрос мне лишь почудился, что раскрытые в тот миг глаза мудрейшего и его вдохновенный взгляд — лишь плод моей фантазии. Глаза

¹ К а ш ь я — одеяние буддийского монаха.

² Г и н к г о — реликтовое листовое дерево высотой до 40 метров. Широко используется в китайской народной медицине.

его полуоткрыты, из ноздрей примерно на цунь¹ торчат два пучка черных волос, они чуть подрагивают, как хвост сверчка. Я смотрю на эти волоски и вспоминаю, как десять с лишним лет назад староста нашей деревни Лао Лань на удивление маленькими ножницами подстригал себе волосы в носу. Почтенный Лань — потомок рода Ланей, среди его предков было немало выдающихся деятелей. При династии Мин один вышел в цзюйжэнь². При Цинах был членом академии Ханьлинь³. Во времена Республики был и генерал. А после Освобождения выявилась целая группа выступавших против революции помещичьих элементов. После того как перестали вести классовую борьбу, немногие из оставшихся отпрысков рода Лань мало-помалу распрямляли спины, вот почтенный Лань, продолжатель рода, стал у нас в деревне старостой. Я в детстве не раз слышал, как почтенный Лань горестно вздыхал: «Эх, с каждым поколением все хуже и хуже!» Слышал я, и как сетовал деревенский грамотей старина Мэн: «Эх, чем дальше, тем хуже. Не заладился фэншуй семьи Лань». Старина Мэн в молодые годы пас скотину этой семьи и знал, в какой роскоши они тогда жили. «Ты, мать твою, и волоска предков не стоишь!» — говаривал он, бывало, тыча пальцем в спину Лао Ланя. Частичка пепла, похожая на тополиный пух ранней весной, плавно опустилась из сумрака храма на бритую голову мудрейшего. Потом еще одна, словно родная сестричка первой, тоже похожая на тополиную пушинку весной, источая слабое дыхание времени, словно тайно заигрывая, плавно опустилась на его голову. Из-за двенадцати ярко выделяющихся и расположенных в строгом порядке шрамов она смотрелась очень величественно. Такие метки составляли гордость настоящего монаха, так что когда-нибудь на моей го-

¹ Наименьшая единица в традиционной китайской системе измерения расстояний.

² Цзюйжэнь — обладатель второй ученой степени по итогам экзамена на замещение должности чиновника.

³ Академия Ханьлинь — учреждение, выполнявшее функции императорской канцелярии, комитета по цензуре и литературе, высшей школы.

лове тоже будет двенадцать таких шрамов¹. Мудрейший, прошу выслушать мой дальнейший рассказ...

В нашем высоком доме с черепичной крышей мрачно и влажно, на стенах красивым узором лежит иней, он выступает крупинками мелкой соли даже там, куда поднимается во сне мое дыхание. Мы переселились сюда в начале зимы², сразу как возвели кровлю, еще штукатурка не высохла. Мать вставала, а я с головой закутывался одеялом, чтобы укрыться от холода, режущего, словно лезвие ножа. С тех пор, как отец сбежал с Дикой Мулихой, мать прикладывала все силы, завела дело и через пять лет, которые пролетели как один день, трудом и смекалкой накопила денег и возвела дом с черепичной крышей — самый высокий, самый большой и самый внушительный в деревне. Когда речь заходила о матери, все деревенские отзывались о ней с почтением, расхваливали на все лады, говорили, какая она молодец, но при этом никогда не забывали пройтись насчет отца. Мне было пять лет, когда он спутался с женщиной по прозвищу Дикая Мулиха, имевшей в деревне недобрую славу, и сбежал с ней неизвестно куда.

— Во всем благое предопределение, — пробормотал мудрейший словно во сне, как бы показывая, что он внимательно слушает мой рассказ, хоть глаза его и закрыты.

Женщина в зеленом жакете с красным цветком за ухом так и лежит в проеме стены. Она меня завораживает, но не знаю, понимает ли она это. Дикий котиче с птичкой изумрудного цвета в зубах проходит перед воротами храма, как охотник на тигра, красуется со своей добычей перед толпой. Подойдя к воротам, он на минуту останавливается и, склонив голову, заглядывает в них; выражение его морды — как у любопытного школьника...

Прошло пять лет, подлинных известий не было, а вот слухи об отце и Дикой Мулихе время от времени прибывали, как тихоходные составы на маленькую железнодорожную стан-

¹ Голову буддистским монахам прижигают при инициации.

² Начало зимы — один из 24 сезонов сельскохозяйственного года по лунному календарю, начинается 7–8 ноября.

цию, где скотину выгружают, и затем желтоглазые барышники неспешно гонят ее в нашу деревню. Там они продают ее мясникам — наша деревня специализировалась на забое скота — слухи порхали над деревней, как серые пташки. Говорили, что отец утащил Дикую Мулиху в глухие леса северо-востока, построил хижину из березовых стволов, возвел большую печку, в которой весело полыхали сосновые дрова, крыша хижины покрыта снегом, на стенах развешаны связки красного перца, со стрех свешиваются хрустальные сосульки. Днем они охотились и копали женьшень, вечерами варили в печке мясо косуль. Я представлял себе, как багровые блики пламени ложатся на лица отца и Дикой Мулихи, будто размалеванные красным. По другим слухам, отец с Дикой Мулихой сбежал аж во Внутреннюю Монголию, днем разъезжал на рослом скакуне, накинув просторный монгольский халат, распевая мелодичные пастушеские песни и озирая стада коров и овец на бескрайних степных просторах; вечером забирался в юрту, разжигал костер из кизяков, подвешивал над ним железный котел, варил в нем баранину, мясной аромат щекочет ноздри, они едят мясо и пьют крепчайший чай с молоком. В моем воображении глаза Дикой Мулихи поблескивают в свете костра словно два черных самоцвета. Рассказывали также, что они тайком перебрались через границу в Корею и в одном красивом приграничном городке открыли ресторан. Днем лепили пельмени и раскатывали тесто для лапши корейцам, а к вечеру, когда ресторан закрывался, варили котел собачатины, открывали бутылку водки, каждый с собачьей ногой в руке, два человека — две собачьих ноги, в котле оставалось еще две, которые, распространяя соблазнительный аромат, ждали своей очереди. Я представлял себе, как они сидят каждый с собачьей ногой в руке, чашкой водки в другой, глоток за глотком попивают водку и закусывают собачатиной, и набитые щеки выпирают, как блестящие от жира кожаные мешочки... Думаю, наевшись и напившись, они, конечно, заключали друг друга в объятия и занимались этим делом — глаза мудрейшего сверкнули, уголки рта дернулись, он вдруг громко хохотнул, потом неожиданно умолк: так от яростного удара колотушки

по поверхности гонга дрожит в воздухе переливами громкий и чистый звук. Сердце мое затрепетало, в глазах зарябило. Было непонятно, дает ли он этим странным смешком знак продолжать или велит остановиться. «Нужно быть честным перед людьми, — подумал я, — тем более нужно говорить все без утайки перед лицом мудрейшего». Женщина в зеленом так и лежала там все в той же позе, лишь вдобавок забавлялась тем, что пускала слюну. Она напускала одну за другой маленькие лужицы слюны, покачиваясь, слюна разлеталась в солнечном свете, а я пытался представить, каковы эти лужицы на вкус — скажем —

Прижавшись друг к другу измазанными в масле губами, да еще безостановочно рыгая, они распространяют запах мяса по юрте, по маленькой лесной хижине, по маленькому корейскому ресторанчику. Потом помогают друг другу снять одежду, оголив тела. Тело отца я хорошо знаю — летом он часто носил меня на реку купаться, а тетю Дикую Мулиху видел только раз, да и то мельком. Но успел разглядеть как следует. Ее тело, с виду гладкое, сочно-зеленое, поблескивало при свете фонаря. Даже мои руки, руки маленького мальчика, тянулись к ней — попытаться погладить, если она не отвесит тумака, конечно, погладил бы как следует. Какое, интересно, при этом ощущение? Обжигающего холода или пышущего жара? Правда, хотелось знать, но я не знаю. Я не знаю, отец знает. Его руки тут же принялись гладить тело Дикой Мулихи, гладить ее зад, груди. Руки отца смуглые, а зад и груди тети Дикой Мулихи — белые, поэтому руки отца казались мне жестокими, разбойничьими, они будто воду из зада и груди тети Дикой Мулихи выжимали. Тетя Дикая Мулиха постанывала, ее глаза и губы сверкали, глаза и губы отца тоже. Заключив друг друга в объятия, они катались по тюфяку из медвежьей шкуры, кувыркались на горячем кане, «пекли блины» на деревянном полу. Поглаживали друг друга руками, покусывали губами, переплетались ногами, терлись друг о друга каждым дюймо́м кожи... Терлись жарко, электризованно, тела стали светиться чем-то темно-синим, они сплелись как две большие

ядовитые змеи, сверкающие чешуйками. Отец, закрыв глаза, не издавал ни звука, доносилось лишь его хрипкое дыхание, а тетя Дикая Мулиха разнузданно орала. Теперь я, конечно, знаю почему, а тогда я был сравнительно беспорочный, не разбирался в отношениях между мужчинами и женщинами, не понимал, что за представление отец с тетей Дикой Мулихой устроили.

— Братец любимый... — доносились хриплые вопли тети Дикой Мулихи. — Ой, умру через тебя... Ой, умру...

Сердце мое бешено колотилось, я не понимал, что будет дальше. В душе я не боялся, но все же был напряжен и взволнован, словно отец с тетей Дикой Мулихой, а в том числе и я, сторонний наблюдатель, совершали преступное деяние. Я видел, как отец опустил голову и накрыл своим ртом губы тети Дикой Мулихи и, таким образом, поглотил почти все ее вопли. Через уголки его губ проскальзывали лишь некоторые незначительные фрагменты звуков — я украдкой глянул на наимудрейшего, желая понять, какую реакцию может вызвать в нем мое подробное описание секса. Он оставался невозмутимым, лицо вроде бы чуть порозовело, а вроде таким и было с самого начала. Я подумал, что следует вовремя остановиться, хоть я уже и постиг мирскую суету и повестьную об отце и матери, словно они жили в глубокой древности.

Не знаю, то ли запах мяса их привлек, то ли крики отца и тети Дикой Мулихи — из темноты высыпала целая ватага детей, они собрались вокруг монгольской юрты, пробрались к дверям маленькой лесной хижины и, задрав зады, стали заглядывать через щели внутрь. Потом я представил, что появился волк, да не один, а целая стая — на запах мяса, что ли? С появлением волков дети разбежались. Их маленькие неуклюжие силуэты вперевалку устремились по снегу, а позади оставались отчетливые следы. Волки уселись рядом с юртой отца и тети Дикой Мулихи и жадно щелкали зубами. Я переживал, что они расплосуют эту юрту, прогрызут тонкий слой дерева, ворвутся туда и сожрут их обоих, но у волков такого и в мыслях не было. Они восседали вокруг монгольской юрты и маленькой деревянной хижины словно свора предан-

ных охотничьих собак... За ветхой стеной, окружающей дворик храма, пролегает широкая дорога в бренный мир, туда, за обвалившийся от воздействия стихий и ног праздничношатающихся провал в стене, за разлегшуюся в этом провале женщину — в тот момент она расчесывала густые волосы, положив красный цветок рядом на стену. Склонив шею, она раз за разом с силой проводила по волосам перед грудью красным гребнем. Прodelывала она это чуть ли не отчаянными движениями, и сердце мое всякий раз сжималось, я переживал за эти красивые волосы, в носу свербило, почти наворачивались слезы. «Вот бы она могла позволить мне расчесать ее, — думал я, — я бы делал это самым нежным, самым терпеливым образом, ни один волосок у меня не поранился бы и не сломался, даже если в волосах у нее полно жуков и пауков, даже если там свили гнезда и вывели птенцов пичуги малые». Я вроде бы увидел на ее лице выражение какой-то досады, у большинства женщин с пышными волосами такое выражение, когда они расчесываются. Это не то чтобы досада, скорее гордость. Затаившийся где-то в глубине волос тяжелый запах теперь, без всякого сомнения, бил в нос, отчего голова кружилась, словно напился тягучего выдержанного шаосинского¹. Было видно, что проезжает мимо по дороге. Перед глазами, словно движущееся гигантское живописное полотно, проскользнул с высоко воздетой стальной рукой кирпично-красный кран. В поле зрения один за другим проплывают двадцать четыре орудийных ствола, поблескивающих мертвенно-бледным цветом и по форме напоминающих черепахоподобные танки. Подпрыгивая, приблизился небольшой, окрашенный в синий цвет пассажирско-грузовой прицеп: на крыше установлен громкоговоритель, по всему кузову расставлены разноцветные флаги, они колышутся, и на них то появляются, то исчезают большие белые изображения женских лиц с тонкими изгибами бровей и сочно-красными губами. На прицепе стоят с десяток человек в синих футбол-

¹ Шаосинское — популярное желтое рисовое вино из уезда Шаосин.

ках и бейсболках, которые хором скандируют: «Народный депутат Ван Дэхоу: только работа, никаких шоу». Но перед храмом их крики вдруг стихают, и разукрашенный прицеп, который теперь смахивает на нарядный гроб, скрывается с моих глаз. Но за стеной в стороне от дороги, на большой лужайке как раз напротив полуразвалившегося храма Утун непрерывно грохочет большущий экскаватор. Над стеной вокруг храма виднеются его верхняя часть оранжевого цвета и время от времени вздымающаяся вверх стальная рука с хищным ковшом.

Я вам все говорю, не таясь, мудрейший, нет такого, что я не могу вам сказать. В то время я был бесхитростный подросток, который только и думал о том, чтобы поесть мяса. Дай мне кто ароматную жареную баранью ногу или чашку истекающей жиром свинины, я бы его, не задумываясь, отцом родным назвал, или на коленях поклоны отбивал, или то и другое вместе. Сейчас, хотя все переменялось, если окажетесь в наших местах, стоит лишь упомянуть мое имя — Ло Сяотун, — глаза людей тут же вспыхивают необычным светом, как при упоминании имени Лань Дагуаня, третьего дядюшки Лао Ланя. Почему они так вспыхивают? Потому что в головах людей, словно в книжке-картинке, раскладывались дела прошедших дней, связанные со мной, связанные с мясом. Потому что в головах складной книжкой-картинкой разворачивались сказания, связанные с третьим молодым господином семьи Лань, бедствовавшим на чужбине, переспавшим с тридцатью тысячами девиц, много чего испытывшим. Говорить они особо ничего не говорили, лишь восклицали: «Ах, этот милый, жалкий, ненавистный, достойный уважения, гадкий... Но ведь он, в конце концов, лишь необычный мальчик, помешавшийся на мясе... Эх, этот третий молодой господин Лань, вот уж не разберешь, каков он, представить невозможно... Вот уж великий смутьян, князь демонов в человеческом образе...»

Случись мне вырасти в какой другой деревне, у меня, может, и не выработалась бы такая неумная страсть к мясу, но небесам угодно было, чтобы я вырос в деревне мясников, где